

пьяницы оказались героями своеобразного церковного чествования, по типу мучеников и преподобных. Оставив в стороне политическое значение церемониала посвящения папы всепьянейшим собором, мы не можем не признать, что внешняя форма этого церемониала почти целиком пародирует православные церковные обряды посвящения. Но в этом случае мы уже не можем так резко отделить пародию на форму от ее общественного значения. Несомненно, известный элемент непосредственной насмешки над сложными церковными обрядами был в петровской затее: пародирование церковных возгласов и обрядов вряд ли было здесь только средством.

Традиция церковных пародий держалась долго и прочно. Не говоря о многочисленных анонимных пародиях, выходявших и в XIX в. из среды воспитанников духовных школ, и бывших зачастую уже настоящими образцами литературной пародии, без всякой общественно-сатирической окраски, мы встречаем в это время и обличительную политическую пародию, использующую старый прием. Вспомним Н. Щербину, который отдал дань и обычному в духовной школе пародированию витиеватой славяно-русской речи с библейскими цитатами в своих «аттестатах студиярусам семинарии» Апполинарию Тропаревскому и Викентию Курильскому (см. Полное собрание сочинений, 1873 г., стр. 279—285), и высмеял с помощью того же приема некоторых литераторов своего времени (Шевырев). Его «Хвалебная песнь блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (ср. Христа ради юродивые), как и «икос безумному попу Саве» XVII в., пародирует церковные акафисты: «Радуйся, Испании невидание, Радуйся, Испании описание, Радуйся живописи непонимание, Радуйся, живописи трактование, Радуйся, жандармов трепелание» (стр. 294) и т. д. Здесь опять, как в XVII в., цель — общественная сатира, а пародия лишь прием для ее оформления.

Так каждая эпоха в моменты усиления в литературе обличительной сатирической струи среди других приемов не минует и использования церковно-литературного материала. Даже в наше время, когда для большинства этот материал перестал быть той «классической» формой, какой он был в XVII—XVIII вв. почти для всех, а в XIX еще для многих, — мы иногда встречаем возврат к старому приему. Правда, теперь эти случаи имеют специфический оттенок. Остап Вишня в 1925 г. отвегил пародией, воспроизводящей технику церковной службы, на распоряжение Синода «отметить день Октябрьской годовщины торжественной службой в перквах». Вся литературная сущность его рассказа «Нате й мій глек на канусту, щоб і я була Химка» выступит только для такого читателя, кото-